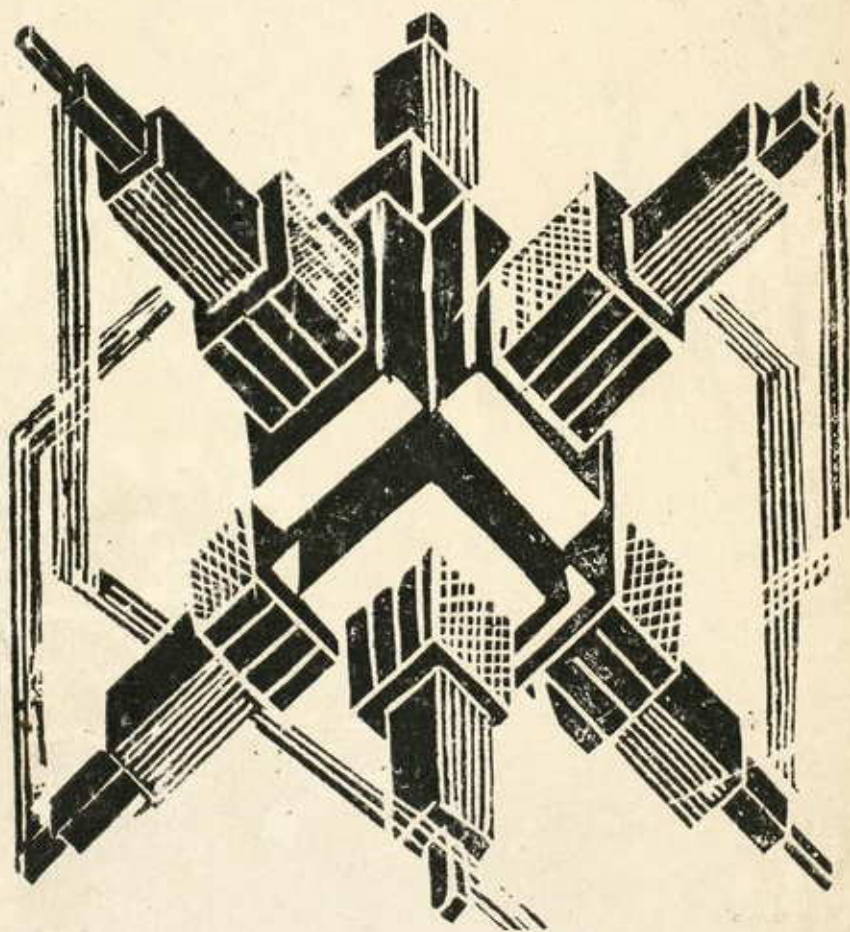

647⁵/₁₂₀
А. КРУЧЕНЫХ

ЧЕТЫРЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ РОМАНА

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Москва

1927

А. Крученых

Б 47 ⁵/₁₂₉

ЧЕТЫРЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ РОМАНА *540*

- 1) Разбойник Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица
- 2) Случай в „номерах“
- 3) Ревнюность
- 4) Приложение—„Дунька-Рубиха“

Рисунки **Марии Синяковой**

Вступительные замечания **Бориса Несмелова**

Обложка **Густава Клуциса**

(Четырехкоординатный небоскреб)

Продунция № 142

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Москва—1927

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Уголовный роман“ А. Крученых о разбойнике Ваньке-Каине представляется особо значительным явлением в творчестве этого своеобразного мастера.

Здесь налицо все прежние черты поэта, здесь яркая и определенная, такая характерная для него, установка на фонетику, на звук. Роман воет и стонет, как его озверевший в длительном одиночном заключении герой, бросающийся даже на свою освободительницу.

— Оо-у, уу-а, о-о-ы-ы, у-у-у-у... Вот основной звукоряд, мучительное нарастание глухих гласных, которое разрешается в убийство, в хряк, в гром.

Эта смертоносная фонетика уложена, как обычно, в заумные слова, в выразительнейшую **заумь**, ибо блат, воровское и разбойничье арг, испещряющее строчки романа,—это, конечно, не фольклор, не быт, не анекдот, не бабелевщина, не купринские киевские очерки. Это—чистейшая заумь и ею остается, несмотря на прилагаемый автором словарик, из которого видно, что настоящих крученыховских заумных слов, кроме, пожалуй, двух-трех междометий, здесь нет. Именно, просмотрев словарик этих причудливо перемешанных осколков сегодняшнего блата, южно-русского и сибирского диалектов, словечек Достоевского и выражений времен Пугачева,—именно после этого, при чтении романа, легко убедиться, как безразлично смысловое значение этих заумно-незаумных слов. Внимание целиком поглощается звукообразом, таким целостным и динамичным в романе.

Однако, этот дерзко обнаженный прием заумника находится в тесной связи с тем новым и необычным для Крученых, что есть в романе. **Романе.** Оставаясь чистой и мастерской звукописью, „Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица“ есть роман в самом настоящем смысле, вещь насквозь сюжетная, больше того—фабульная. Это действительно уголовный, детективный, авантюрно-героический, чуть-чуть даже пародийный („Похождения разбойника Чуркина“) роман. Наиболее квалифицированные идиоты, может быть, даже завопят от удовольствия, если заметят, что драматизм романа оправдан не только жутким основным звукорядом, но и **психологически.** Это у Крученых-то! Есть отчего взвизнуть узколобым „гунявым начтюрмакам“ от поэзии!

Но это уже полное право и неотъемлемое свойство тоже-критиков—сезнадежно и неизлечимо не понимать, что лабораторные опыты, как бы сенсационны они ни были, не есть самоцель, что приемы создаются, как орудие сознательного и целемерного творчества.

А Крученых, подобно своему роману и его герою, из темных застенков, созданных литературными тюремщиками, из углов, наполненных запретительным шипом Коганов-Рогачевских, уходит в простор, в вольницу,

— на Во-о-о-лгу —

нового народного эпоса. Сейчас он готовит цикл поэм „Иоганн Протеза“, один из самых ярких литературных протестов против войны, этой фабрики механизированных обрубков человеческого мяса... И как смешны после этого шепелявые советы Крученыху:

— „А штоб вам пошмотреть на Пушкина?“

Встреча Крученыха с Пушкиным произойдет не у монумента на Страстной, а в уже близком признании массами нашего заумника — признании через головы хрипло лающих доберман-фричей.

Борис Несмелов.

Сентябрь 1925.

ПЕРЕВОД БЛАТНЫХ И МАЛОИЗВЕСТНЫХ СЛОВ

Алмазник — вор-стеклорез.

Брать на дым — обманывать.

Гардал — горчица (южно-русское).

Засыпаться — попасться.

Кат — палач (великорусское).

Когти рвать — бежать на волю.

Лягавый — сыщик.

Марафет — кокаин.

Несгорушник — взломщик несгораемых шкафов.

Олюра } — проститутка или подруга вора (на языке сибирских остро-
Суфлера } рогов, см. „Записки из Мертвого дома“).

Стопщик — налетчик.

Сиснарь }
Уркан } — вор.

Фарт — удача.

Шкары — брюки.

Шмара — проститутка или подруга вора.

Шпана — мелкое жулье.

Штурмовать — воровать.

В первый раз „Ванька-Каин“ был напечатан в журн. „Леф“ № 2/6, 1924 г.

В настоящем издании он значительно дополнен и исправлен.

РАЗБОЙНИК ВАНЬКА-КАИН и СОНЬКА-МАНИКЮРЩИЦА

(Уголовный роман)

В полночь
в черном
кружевном
шарфе

когда желанья

жгут

кожу

Пре-кра-сная Ме-р-се-дес
девушка со своим восьмым мужем
начальником Саратовской тюрьмы—
порывистее, чем авто,
тоньше, чем ось,

гиб

че

чем

луч,

спустилась

в подземелье,

где

уже десять лет
косматым комком
сидел на цепи
разбойник
Ванька Каин.

А в другом углу
—сплошная кишка—
скользкими кольцами
клубился

огро-о-мный
единорогий пифон
Угодай...

Ванька Каин
стиснув клыки
взывал

к зеленогубой змее:

— **О - о, Угодай!**

**Меня мучают кислые мертвецы.
Костью скребутся,
выходят из темных углов,
виснут на стенках.**

. . . белая рожа

отвисла до-полу

возле меня тикает...

Вон—

утробным сырым мешком

с потолка

надувается

кусковой ногобрюх...

Сбоку

глазом щербленим подмигивает

жирная недоглядь—

все разнесет

сквозюха.

В мозг присоскою

стальными пальцами

А-а-а! ы-ы!..—

Каин,

шею втянув,

висельной дробью

за-сы-пал:

— **Сгинь! Сгинь! Сгинь!**

А-а-а, опять лезут

девки загубленные

сосками,

мокрецами,

в губы

дети, купцы, старухи...

корюкие руки...

хрюки... труки-руки... —

Начтюрмак
при пороге
под нос
шпикнул брюжливо:
— Надо бы вентиляцию
проветричь.
Ишь, штенки жагадил,
по перештилю
мокричный глаж
полжет —
шрамота! шрамота!..
Штоб вам пошмотреть на Пушкина!

Каин катался:
— Давно-о, Угодай!
Десять лет,
сотни, пересотни лет,
я не слышу друзей,
зубы ямами сгрыз
бородой оплелся.

Ы-ы... за одну минуту
душу — чорту,
голову — кату!..
О-о-о, Угодай,
со-ло-ву-шко!
Откуси мне ногу
и я

убегу
на Волгу,
на вечную волю!
Сердце нарушу!
Эй, несгорушники,
урканы, скокари,
стопщики —
Филька Зарезов,
Бурга, Склок, Скрыга,
эй, за мной, —
штурмовать мошну!

Лягавых задушим
взнуздаем суда—
там ждет меня вся шпана!—

Но Угодай шипел,
как глухонемой,
и покачиваясь в тангучем трансе
у-л-ы-б-а-л-с-я...

В телесной тьме
катилась без роликов,
но луна,
закладывая за ухо
солдатскую простыню...

(Под полом — смачный чавк
трубный вздох).
Пифон все тянулся
в юбочке колец,
как завитой
напомаженный

пес

томно помахивая
язычком...

Гунявый муж
заметил:
— Жмеем пахнет
жупел болтаеча—
вечные непорядки!
Непорядки!

Шолома не в линейку выштлана.

Шдвинута

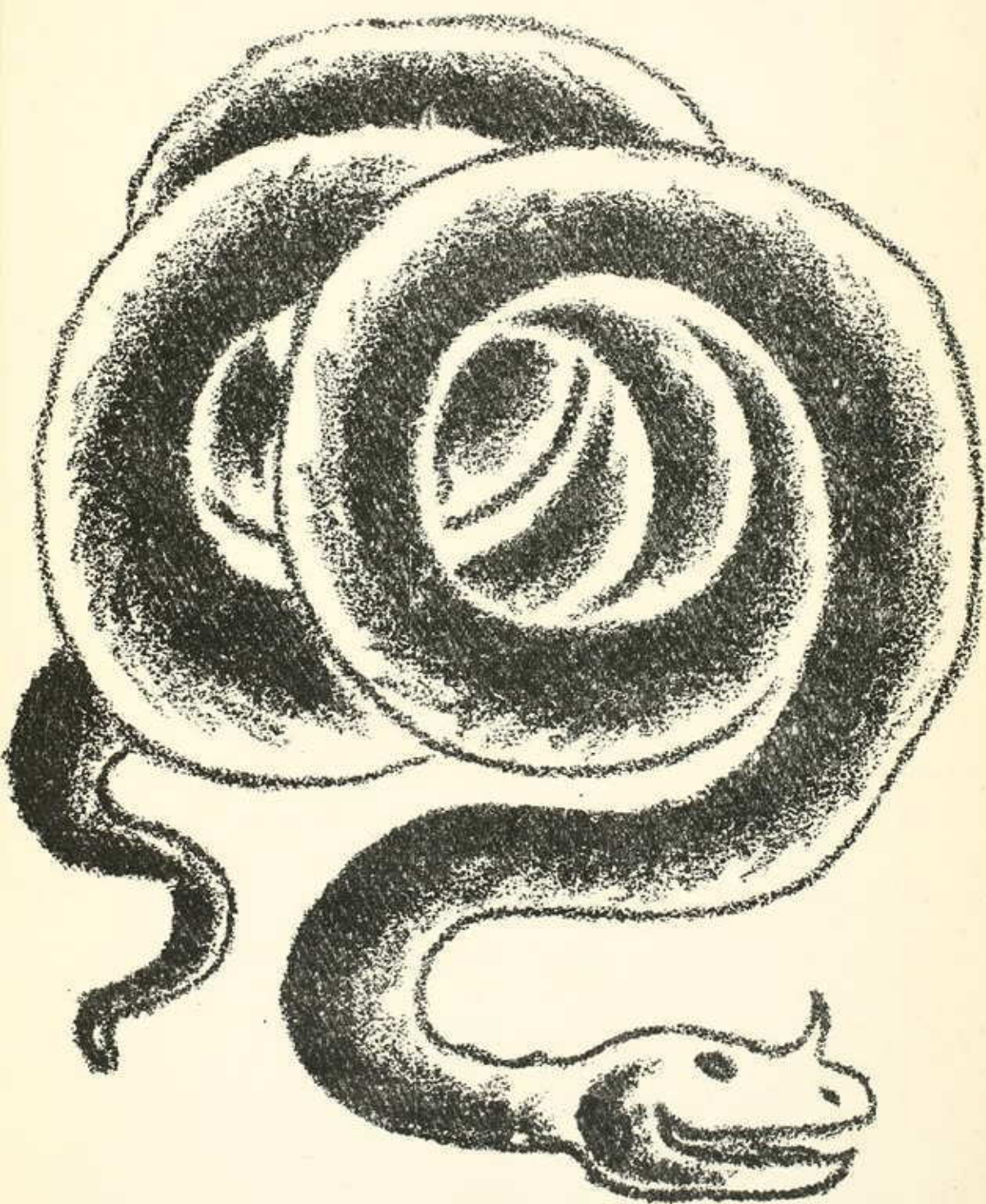
вша

жемля!

Ошминог в рот лежит...

Мерша, ошадите,

не вштупите в прештупника!..—

Мерседес
взглядом навывлет
прикована
к стене...

И тени не взвидя
Каин шептал:
— Угодай, пойдём...
Вон там
в оврагах
за крестами
кривулями
где камни—акулы шныряют,
собралась братва.
Шалаши
шатры
шальной гомон—
туда сбежались со всех сторон!
в красных рубахах...
ружья...
бубен...

смех...
цыганенка свист...
крики—
и я выхожу.
Зверь-удалец!
Распахнут
кафтан землянишный
шаровары шарахнулись
шелком,
углем пылают
персидские сапоги.

Дребезжа и визжа ожерельями
подолом мутуша
девки пляшут в траве,
утопчат всех святых,
подковами смелют
васильки с крапивой...

Ввалились
дубовые
бочки с медом
— над обручем пчелы
г-у-д-у-у-у-т...—

Заносы мяса парного
Вино в бурдюках
А,

вот славно,
смачно,
а то мозги мои ссохлися,
хлопают...

Я буду пить.
жбанами!
Ведрами!
Тучу баранов на вертел!
— Га —

гал-гала-га!
Выжми косточек посвежее
из горла — вина!

Га! мы знаем гардал!

В темя ключом

Гал-гала-га!—

Все гогочут,
Смеются...

Гришка Склок
выбивает ведро из рук
— Ну довольно шутить

К бесу шутики!

Жбан меду!

Кто мне мешает пить?—

И шопотный
сиренный голосок:

— Это я... Мерседес...

— Бочку меду.

На Волгу!...

Очнулся...

Тогда Мерседес
Сквозь слезы и смех,
видя потуги Каина,—
своим тончайшим маникюром
перерезала его кандалы
и приоткрыв дверь
шепнула:

— Беги!

Для тебя все готово!
Да захвати вот испанскую шаль!—
И совсем тихо:
— А еще тут прорыт
подземный ход
на сто сажений.

...Ее муж корчился
в пасти пифона,
дрыгали зеленые шкары...
...За стеной заржал
черный конь
с боевым седлом...

Каин на дверь не взглянул,
не слышал потайных слов,
а лишь прошептал:

— Мерси вас!
Целую ручкой!—
насквозь
сверкнул стамесками глаз,
схватил освободительницу
и уволок ее
на свое старое
логово...

...Где не видел никто
его темных лохмотьев,
где он ночи на корточках
прошептывал напролет...

— Жучок,
с амурью! —
сказала Мерседес,
погрозив ключом от тюрьмы,
— ты сразу угадал
Соньку,
бриллиантовую ручку —
арап.

До зари далеко,
я тобой не игралась
целую жизнь,
туда не глазела
с той самой поры...
Расскажи, как ты засыпался,
как тебя выдала олюра

Фенька-граф?..

А я принесла марафету
и хрипатого коньяку.

У Каина руки свело,
дико взревел:
— У-у-у,
все через вас,
шлюх!

Каждый раз — западня!

(В этот миг
под землей
кто-то трижды чихнул).

У-у, гадина, шмара!

Значит и тут
ты уже задумала
сотни ловушек!

Может змея
у тебя на службе?
Двухгрошевая, берешь на дым?

Может двери пройду,
а ты дернешь веревку,
и я—в колодезь,
рыбу ловить?
А может и сам туда
за твоими выческами полезу
и не вылезу ни-ко-гда,
а лягавые изведут всю команду!

(В этот миг
вся в земле
из дыры
Гришки Склоки
голова
в-ы-р-о-с-л-а!)

А!
Опять из углов
по твоим черным космам
студнявые мякиши лезут!
За ними монахи,
ксендзы
звенят кадилом,
кладут во гроб!
Вон моя голова
по стружкам шатается!
Н-не хочу,
убегу,
у-у...
Сотни раз в сутки тебе снится
свобода!

А то еще соколом
на волю!
Сонька-граф,
вот я тебя ущипну
вот этой рукой,
вот этим бревном
по щекам,
по переносице,

чтоб сгнула...

у-у-у,

будь проклята,

искрошу!..—

Сонька Мерседес,

захохотав

в ловкости бритья

взмахнула граненым маникюром

и язык хулителя

хлопнулся на пол!

Пифон засвистел:

— бис! бис!

прелестно!

дайте мне земляники!—

Сонькин муж

в животе змеи

прочавкал:

— Ага,

наш! наш!

шам попалша!

Эй, рашгони тошку-печаль,

Будешь ты помнить про крашную
шаль!

Каин сонькину бритву

сгреб,

полоснул,

— туп

дуб—

плеча не сечет,

не режет!

Остолбенел...

Сонька—пфырк:

— Имейте в виду

— отставила ножку—

моя бритва в ходу

лишь при о-с-о-б-е-н-н-о-м взм.хе

патент!
Нужна многократная практика!
А еще удастся
фартовым алмазникам
и скрипачам!

Помню—
своего мил-друга
искрошила я в щепы,
как селедку!
Его ладанка тут
повсегда на груди
жабой жжет
чешет чесоткою!
Огнем в глазах
шарики белые
кожей гусиной...
Сто Каинов отдала бы
за один его хохоток!
Такто-с,
фактос!
Я—несчастливая суфлера!

и подобрав ноздрю,
щелкнула
перед Ванькиным носом...

Без меры взревел озверевший Каин,
руки у Сонькина горла,
обнажились клыки...
Хруст...
Лицо ее побледнело...
Но
Из-за воротника
сам
лез
нож
остр...

А по темной трубе
 сорокоруким
 сороконогом
банда ползет,
Гришка Склок впереди—
сквозь восемь домов
из темного бору
проскребся
к Соньке-атаманше
 с приклоном.

Угодай задрожал
сизой мзгой,
об Сонькин нож
расстегнул свой живот—
оттуда—
гофрою
проглоченный муж
верхом
на кружочке кишки,
женку зовет:
— Голубка моя, шакарей улетим!
Желеный Иудыш—подох,
 как плевательница!..—

Гришка Склок
Соньку в бок
на Ваньку глазок:
— Хватай
малохольного!—

Каин-мстец спохватился
клещами—скок,
Соньку—в землю!
сверху—колоду
насел...
Хряк!
— Гром...

Кара небесная...
Что я наделал?
Мертвяки нашептали!...

.....

Через минуту,
труп Соньки закинув за плечи,
Каин
с братвою
уже
бежа-а-л
на Во-о-олгу!..

ДЕКЛАРАЦИЯ № 6

о сегодняшних искусствах (Тезисы).

Современный художественный стиль по справедливости должен быть назван УБЛЮДОЧНЫМ.

1) ЛИТЕРАТУРА. а) Помесь Волховстроя с водосвятием, металлста с Мережковским, завода с храмом,—Пильняк, Эренбург, Гладков, Есенин. Здесь царит путаница в идеологии и форме: социализм смешан с сексуализмом, газетный фельетон с лампадным маслом, цыганщина с обедней.

б) Помесь балмонтизма с пролеткультом, парфюмерного дендизма с кожаной курткой,—Кириллов, Казин, Герасимов, Александровский, вся „Кузница“ и половина „Октября“ (другая половина машет руками и разевает рот по Маяковскому, но голосом пока не вышла. Чрезмерно занятые и спешащие слушатели удовлетворяются и такими: „хотя изрядно все дерут, зато во славу нам орут“).

в) Помесь Вербицкой с заумничаньем, „сизова голубочка“ с гориллой,—Сейфуллина, Вера Инбер и проч.

д) Помесь водяночной тургеневской усадьбы с дизелем, попытка подогреть вчерашнее жаркое Л. Толстого и Боборыкина в раскаленной домне, в результате,—ожоги, гарь и смрад: Вс. Иванов, Леонов, В. Федин. А. Толстой. Вообще, в длинно-зевотные повествования современная мировая напряженность не укладывается. В такт грохочущей эпохе попадают только барабан и трещотка немногих речетворцев Леф'а.

[Само повествование разоблачено обнажением приема; кроме того, Леф'ом утверждены: ораторская установка, стяжение образов (пропуск мало существенного), одновременность планов, производственная материализация слова].

2) ТЕАТР а) Помесь Островского с футуризмом—авторы и актеры завывают, пускают слезу и бьют себя в грудь, поскальзываясь на подмостках дыбом: Мейерхольд, сотни „Лесов“, „Ревизоров“ и „Севильских Цирюльников“ в „конструктивизме“ (лакомые бычки в маринаде).

б) Помесь пропыленной ливреи академизма с агит-блузой—реформированные „Аки“ и „Камерные“.

3) ЖИВОПИСЬ. Картина издохла. Путь таков: от ископаемо-спальной монументальности к злостной улице (раз-потребление)—к плакату, вывеске, фото-монтажу. От особнячного эстетизма—к площади и к станку. Живописцы, аннулированные Леф'ом,сбежали в АХРР—помесь ушата крови с ведром ваксы, кривой фотографии с олеографией, паралича с полуакадемией. АХРР пытается „испугать“, а всем только скушно и смешно... Где-то на задворках догнивают Мирискусники и мармеладные Голубые Розы.

4) КИНО. Окончательно развратил публику Глухонемой-Кино, давший вместо ударного стиля—сломанную шею, вместо мощных жестов—рыжие пощечины.

Кино, как искусство, пока весь впереди.

Но и теперь там, где он пользуется приемами Леф'а (быстрота,

сдвиг, „наплыв“, двойная с'емка—острый монтаж), Немой бьет косноязычных Аков. Прием побеждает.

Дело искусства—изобрести и применить (установка, синтез) нужный прием, а материал всегда в изобилии дается всей окружающей жизнью.

Только прием (форма, стиль) делает лицо эпохи. (Так, прием цыганского или аковского романса любую революционную песню приспособит для отдельного кабинета, а прием Леф'а даже лабораторную работу делает революционной).

Поэтому вопрос ставится так: ИЛИ академизм. ИЛИ Леф,—и никаких УБЛЮДКОВ!...

А. КРУЧЕНЫХ.

Москва, Октябрь 1925 г.

СЛУЧАЙ В „НОМЕРАХ“.

В выпученных улицах
контрагент Тараканов
(а кругом—трк! трк!),
если ты ходишь
с набухшею пачкой
под мышкою—
берегись преставиться
на третьем ведре пива
от першистого порошечка,
как то случилось с тобою
в номерах „Медвежья бляжка“.
В бешенстве пены
избледнел,
как слизнутый ализарин
и—
еще не закрывши
жирной пельмени глаза,
в умрачившейся ночи
пристально усмотрел
старого слугу
Виссариона.
Вислоушник,
смакуя парной труп,
кривлякой набрасывается
на э-ла-сти-тель-ный
портфель.
Словно приспешный носильщик,
нутря вытряхнул
— крн! хрн! —
распихал по застегкам
растопырившегося пиджака,
впопыхах
метелкою пальцев
выбивая пыль
из засушенной лапы тигра.
И еще раз
заглянув на хозяина,
умильно возвыл,
трепеща гостиницу
рыбьим лютованием:

— Уй, помогните!
Лекаря скорей!
Рвотного молока!
Ох, я дитеныш несчастненькой,
остался без роду-племени!
Куда же я двинусь?
На кого ж ты меня спокинул?
Уй, помираем!
... Чорт знает, что!—

А в замочную завитушку
ускважился
округлившийся глаз
коридорного.
И едва раскрыл дверь
перепухший пиджак,—
как прыском топора
прорвал уши коридорный
Григорий:

— Аррр, крокодил уродивый!
Ни с места,
руки вверх!
А ты знаешь, кто был
Гришка Распутишка?
Покойничек?
Ага!
Зашился, р-р-л р-р-л!

Оперный бюст Наполеона
в плюшевом колпаке,
развернув свои зубы,
брызнул пылью:

— Излови их! —

Григорий грубил:

— А так-то ты,
волчье кобло!
Я все провидел
в завитушечку.
Пойдем дуванить,
чортова рогатка...

...И в это время
сливной парой

из синевы
до оскомины
оперного океана
вышагали
Турок с Тамарой,
неся на подносе
красной черепахой
огромный живот
с наростами полосатых брючек
чечевичкою головы,
а вокруг
золотою цепью с накладом:

— Рожденный миру
Гавиал XVII
набалдашником всех
забодай!
Гавиал! Давиал! —

И тогда
замуравленный в плесенной стенке
Потрофей Клещ
поднял на него
стамеску —
острее орлиного пальца —
зашипев:

— У—у, кдшмар!
Ищешь кончины?
Дергаешься, негрр?
Згынь! —

И все провалилось
в соседственную пивницу
„Трезвый ералаш“.
А два стырщика
подавайло
и подтирайло
Григорий—Кессарион
кубарем в кубрик
под лестницу
лязгом разгрызывать
еще тепленькие
нательные пачки

изожравшегося
контрагента...

Бюст Наполеона
тайный сейф
розового карата
пятью крапинками
орлиный нос книзу
сплюнул в простенок:
— Нуи, потомство —
кривогородное! —
И запахнулся набухшим
чехлом...

С потолка брякнулся
любопытный жук,
визгом
крысы
порснули коридорами
под намотанной панелью,
разносчик дребежком
резал стекла:
— кекокс продаю! —

— Ну, пойдем, свинячье сусло,
Кессарион, сорви голоса! —
И оба друга,
законспирировавшись
в рыжие парики,
отправились в пивницу
заплеснуть пожар
приложить ледяшку
к височкам....
Пьяный Виссарион раскис
исклинал:

— Флоредина
Тараканова дочь
Это ж дите мое...
А я не грабил.
Все для тебя.
Жену свою,
матушку твою болезную
покойницу,
тот таракан
забодал, заусал, зажал.

— Ах, гроза ли,
ненастье
надрывают
прозрачную грудь...
Я знаю—
завтра судьбина обманет,
и в зеркале
старческая трость
недаром в лопухах.
Пальма больная
не в радость цветет...
Юность
мне что принесет,
бессонная,
в капоре черном
зари...

И хрупкая Флой
изрыдалась
до третьей подушки...

.....
А контрагент Тараканов
— слиплись усищи —
обмиром спит,
прослепшим глазом
держа
в кино-хрусталике
руку вислоухого
обмишулира
Виссариона...

А. Крученых.

РЕВНЮЧЕСТЬ.

(Крылышко романа).

Милый
Дориан—дрянь!
С ужимкой
и часовой цепочкой
на шарабане
брянцает
в Рязань.
Сгрязает
у зашипренной красавицы
у Акулины Яковлевны
— акулы!—
(Я ревнюю!.. ревнюю!..)

У обляриганенной красавицы,
полный соблазнов
любви на колесах
сигар
И улады-ды-ды-ды
гремят серенады-ды-ды!

Разлучница
милого к печке
прижала-ла-ла-ла...
...Я ей косыньки все
побледневшею ручкой
повыдергиваю ю-ю-юю!..
Глав—трух...
глав—сплетня...
камнем катится слух...
Старуха подслепая,
язвуха
все перепутала
разгряза-а-а-нила...

— Му-гу-гу-у-у-у!—
к дорогому Дориану побегу.

Прискакаю —
он сидит

возле печки,
возле кошачьего хвоста
кудри греет у огня
и ни капельки

не поедет
миленочек
в Рязань...

Грудь промерзла,
к милому люному
доползти не смогу—
— му-гу-гу-у-у!...—
В голос горький замячу:
— Кровь польется с моей раны
на истоптанный песок,
издивлялся чорный гворон,
чуя лакомый кусок...

Ох! ох!

Сонный
машется
платок! ..

